

ОБРАЗ МАРИЯ У САЛЛЮСТИЯ*

Образ Мария в *Bellum Iugurthinum* – одна из самых изученных тем в саллюстиеведении. Это и неудивительно. Как писал К. Вретска, «понимание того, каким хотел представить образ Мария Саллюстий, является ядром всего произведения»¹. Хотя второе сочинение писателя из Амитерна называется «Югуртинская война», главный герой ее не нумидийский царь, а его победитель – полководец из Арпина². Казалось бы, высказаны все возможные точки зрения, сделаны бесчисленные наблюдения над текстом, однако само их обилие не столько закрывает тему, сколько стимулирует появление новых подходов, чему способствует неисчерпаемость смыслов в текстах Саллюстия. Поэтому остаются открытыми многие важные вопросы: как образ Мария соотносится с философскими воззрениями Саллюстия? чем тот объясняет поступки полководца? насколько повлияли на подачу образа арпината его последующие деяния и современные автору события? Рассмотрению этих и других вопросов и посвящена предлагаемая статья.

Появление Мария на сцене и его характеристика. Прежде всего отметим, что Марий принадлежит к числу тех четверых персонажей *Bellum Iugurthinum*, которые удостоены ее автором развернутых характеристик³. При этом характеристика трех других героев – Югурты, Метелла, Суллы – дается сразу после первого упоминания о них, тогда как Марий упоминается десять раз, прежде чем Саллюстий подробно останавливается на его личности, причем из них семь раз говорится лишь о его присутствии при описываемых событиях⁴. Столь долгую «отсрочку» можно объяснить тем, что писатель «вводит характеристику персонажа лишь в тех случаях, когда тот играет решающую роль [в происходящем] или когда характером объясняется его поведение, как то имеет место с Гемпсалом (11. 2) и Адгербалом (20. 2)»⁵. Правда, уже в боях под Замой Марий спасает римлян от поражения (58. 5–6), что составляет, по мнению К. Бюхнера, нечто «новое и указующее путь» (*Neues aber und Vorwärtsweisendes*) во всем рассказе об осаде города⁶. К. Вретска советует не преувеличивать значение этого эпизода, ибо в конечном счете римляне потерпели поражение под Замой⁷. В целом он прав, но, строго говоря, одно не исключает другого. Следует отметить, что Марий действует безупречно, и на его участке штурм проваливается лишь из-за того, что под воинами начинают ломаться лестницы (60. 7). И еще одна,

* Выражаю признательность Е.В. Илюшечкиной и В.А. Леусу, любезно предоставившим в мое распоряжение некоторые зарубежные публикации.

¹ Vretska K. Studien zu Sallusts *Bellum Jugurthinum*. Wien, 1955. S. 101.

² Werner V. *Quantum bello optimus, tantum pace pessimus*. Studien zum Mariusbild in der antiken Geschichtsschreibung. Bonn, 1995. S. 16.

³ Levene D.S. Sallust's Jugurtha: An 'Historical Fragment' // JRS. 1992. 82. P. 59–65; Югурта: *Sall. Iug.* 6. 1 и 3; 7. 3–7; Метелл: 43. 1 и 5; см. также 52. 1; 64. 1; Суллы: 95–96.

⁴ *Sall. Iug.* 46. 7; 50. 2; 55. 5 и 8; 56. 3 и 5; 57. 1; 58. 5–6; 60. 5 (Vretska. Studien... S. 102. Anm. 5).

⁵ Vretska. Studien... S. 102. Anm. 5.

⁶ Büchner K. *Der Aufbau von Sallusts Bellum Iugurthinum*. Wiesbaden, 1953. S. 41.

⁷ Vretska. Studien... S. 102. Anm. 6.

более важная деталь, подтверждающая оценку Бюхнера: в критической ситуации, возникшей в первый день боев, Метелл умоляет о помощи своего подчиненного (*eumque lacrimans per amicitiam perque rem publicam obsecrat*) спасти положение, что предвещает будущее, когда Марий займет место нынешнего главнокомандующего⁸.

Но вот, наконец, наступает поворотный момент: во время жертвоприношения в Утике жрец предсказывает Марию «великое и чудесное будущее, поэтому пусть он совершает то, что задумал, полагаясь на богов, и пусть он сколь возможно чаще испытывает судьбу, и во всем ему будет сопутствовать удача» (*proinde quae animo agitabat, fretus dis ageret, fortunam quam saepissime experiretur; cuncta prospere eventura*). И вот после этого следует, наконец, знаменитая характеристика Мария⁹: «Его уже давно мучила мечта стать консулом (*at illum iam ante consulatus ingens cupido exagitabat*), для чего у него, за исключением древности происхождения, были в избытке все другие качества: упорство (*industria*), честность (*probitas*), глубокое знание военного дела (*militiae magna scientia*), величайшая храбрость на войне (*animus belli ingens*), скромность в мирное время (*domi modicus*), умение взять верх над жаждой наслаждения и богатств (*lubidinis et divitiarum victor*), жадность к одной лишь славе (*tantummodo gloriae avidus*). Родившись и проведя все детство в Арпине, он, едва возраст позволил ему носить оружие, проявил себя на военной службе, а не в занятиях греческим красноречием и не в удовольствиях городской жизни. Так, благодаря добрым занятиям неиспорченные, созрели в короткое время его природные качества (*ita inter artis bonas integrum ingenium brevi adolevit*)¹⁰. И вот, когда он впервые добивался от народа должности военного трибуна, то, хотя почти никто не знал его в лицо, все трибы за его подвиги отдали ему голоса. Затем одну за другой он достиг и других магистратур и, облеченный властью, всегда действовал так, что его признавали достойным (*dignus haberetur*) более высокой должности, чем та, какую он исполнял. Однако до той поры он, столь выдающийся муж (*talis vir*) – это впоследствии его погубило честолюбие (*nam postea ambitione praecipuus datus est*), – [консулата] добиваться не осмеливался: хотя тогда простому народу были уже доступны другие магистратуры, консульскую должность знать пока сохраняла за собой, еще передавая ее из рук в руки» (63. 2–6)¹¹.

По мнению К. Лаукнера, эта характеристика призвана показать, что Марий достоин консулата. Налицо противопоставление арпината и *nobiles*: с его *industria* контрастирует *socordia* (36. 3; 55. 1; 85. 22) и *ignavia* знатных (85. 1, 14, 43, 49; 95. 3); с *militiae scientiae* и *belli ingens animus* – вялые действия Бестии и Альбина; с *probitas* – *potentia* (31. 4; 11; 41. 9) и *arbitrium* аристократов (31. 7; 9; 41. 7–8; 42). Если Марий *domi modicus*, то нобилиям присуща *superbia* (5.1; 31. 2; 64. 1; 85. 1); он – *lubidinis et divitiarum victor*, а их отличают *lubido* (15.5; 31. 7; 41. 5; 42. 4) и *avaritia* (13. 5; 28. 5; 29. 1; 31. 12; 41. 9)¹². Его стремление к консулату, считает Лаукнер, обусловлено жадностью славы, а не предосудительной жадностью власти (в отли-

⁸ Koestermann E. Kommentar // Sallustius Crispus. Bellum Iugurthinum. Heidelberg, 1971. S. 226; Werner. Quantum bello optimus... S. 19.

⁹ Столь подробной характеристики удостаивается в этом сочинении только Югурта (*Büchner. Der Aufbau...* S. 44).

¹⁰ С.П. Маркиш и В.О. Горенштейн переводят *ingenium* как «ум», что в данном случае слишком сужает смысл слова *ingenium*.

¹¹ Здесь и далее перевод В.О. Горенштейна с поправками (с учетом перевода С.П. Маркиша).

¹² Подборка дополнена автором статьи.

чие от нобилей), а потому не заслуживает осуждения¹³. Нужно, однако, указать, что не все отсылки к тексту Саллюстия в данном случае корректны – многие из них отражают мнение не самого писателя, а его персонажей – Меммия и самого Мария.

В. Шур пишет, что здесь «Марий выступает как идеальный государственный муж, естественному завершению карьеры которого препятствуют лишь ложные претензии наследственной аристократии. Однако недостаток, который погубит его, уже ждет своего часа». Но автор пока лишь упоминает о нем, чтобы как можно меньше ставить под сомнение достоинства своего героя¹⁴.

К. Вретска оценивает характеристику последнего как отрицательную. Он усматривает в словосочетании *at illum* некое пейоративное противопоставление: оракул предвещает арпинату исполнение его желаний, а тот охвачен тщеславным стремлением к консулату¹⁵. Но тогда, резонно возражает Ф. Вернер, следовало бы ожидать дальнейшего подтверждения отрицательного мотива в характеристике Мария, но вместо этого Саллюстий перечисляет его достоинства, что опровергает идею Вретска¹⁶. Последний, однако, на этом не останавливается и отмечает бросающееся в глаза отсутствие среди достоинств Мария главной – *virtus*. Правда, римский автор пишет о его *industria*, которая весьма близка *virtus*¹⁷, но Вретска указывает на этическую нейтральность *industria*. И опять-таки его оппоненты нашли уязвимое место в его суждениях: в ряду добродетелей, которые приписывает Саллюстий Марию, *industria* приобретает безусловно положительный характер и становится одной из *virtutes imperatoriae*¹⁸. Но как понимать *gloriae avidus* в отношении Мария, что является вполне естественным для любого римлянина такого ранга? Л. Оливьери Санджакомо не видит здесь порицания, ибо стремление к славе его не заслуживает¹⁹. Не усматривает в этом отзыве ничего предосудительного и В. Штайдле²⁰. Иное мнение у Бюхнера и Вретска: согласно *Iug.* 1. 3, похвально стремление к славе, обретаемой с помощью *virtus*, которой Марий не обладает (см. ниже). «Такой человек становится *ambitiosus* и тем самым опасным для государства»²¹. В более мягкой форме высказываются Э. Кёстерман и Ф. Вернер: Саллюстий не особенно жестко, но вполне определенно осуждает непомерное честолюбие Мария, причем налицо переключка с аналогичной, но даже более строгой оценкой Суллы – *cupidus voluptatum, set gloriae cupidior* (95. 3)²². Заметим, однако, что это только «заявка» на будущее, а в настоящий момент арпинат никаких поводов для подобных рассуждений еще не дает. К тому же сама по себе *ambitio*, по-видимому, еще не является пороком – если в *Cat.* 4. 2 Саллюстий пишет об *ambitio mala*, то существует, очевидно, и *ambitio bona*.

¹³ *Lauckner C.* Die künstlerischen und politischen Ziele der Monographie Sallusts über den Jugurthinischen Krieg. Diss. Lpz. 1911. S. 9.

¹⁴ *Schur W.* Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934. S. 107–108.

¹⁵ *Vretska.* Studien... S. 103.

¹⁶ *Werner.* Quantum bello optimus... S. 21–22.

¹⁷ *Pöschl V.* Grundwerte römischer Staatsgesinnung in den Geschichtswerke des Sallust. B., 1940. S. 16–17.

¹⁸ *Steidle W.* Sallusts historische Monographien. Wiesbaden, 1958. S. 76; *Werner.* Quantum bello optimus... S. 22–23.

¹⁹ *Olivieri Sangiacomo L.* Sallustio. Firenze, 1954. P. 198.

²⁰ *Steidle.* Sallusts historische Monographien. S. 75.

²¹ *Vretska.* Studien... S. 107; *Büchner.* Der Aufbau... S. 44.

²² *Koestermann.* Kommentar. S. 239; *Werner.* Quantum bello optimus... S. 24.

Исследователи давно обратили внимание на то, что Саллюстий слишком благогостно изображает предшествующую карьеру Мариа, который будто бы без особого труда добивался одной должности за другой, хотя в действительности он потерпел поражение на выборах эдилов и с трудом добился претуры. Умалчивает писатель и о поддержке, оказывавшейся ему знатными фамилиями – Метеллами, под чьим патронатом он находился, и Цезарями, с которыми он породнился благодаря браку²³. Р. Сайм объяснял это тем, что Саллюстий просто не знал подробностей ранней карьеры арпината и, руководствуясь практикой своего времени, предположил, что Марий достиг должностей вплоть до претуры благодаря военным способностям. Ради краткости повествования он отказался от тщательного изучения этого вопроса и ограничился тем, что написал²⁴. Ф. Вернер считает, что Саллюстий исходил при таком изложении материала из стремления представить Мариа в рамках теории противостояния нобилитета и выходца из низов, который изображается «стопроцентным *Selfmademan*»²⁵. Наконец, Т. Дийкстра и В. Паркер полагают, что для Саллюстия речь идет фактически о втором начале карьеры Мариа²⁶, в связи с чем предыдущие его деяния не так уж важны. Все эти точки зрения не исключают полностью друг друга: трудно представить, что Саллюстий мог не знать биографии Мариа, но ведь при этом он опустил не только трудности его ранней карьеры, но и заслуги²⁷, что вполне согласуется с мнением Сайма о стремлении писателя к краткости. Хотелось бы также уточнить характер Саллюстиева умолчания: речь, конечно, идет не об искажении фактов в угоду определенной версии, а о художественном приеме. Гюстав Флобер изобразил в «Саламбо» казнь повстанцами Ганнона, хотя на деле такая участь постигла не его, а некоего Ганнибала. Вальтер Скотт изобразил в «Квентине Дорварде» восстание в Льеже 1468 г., смешав его с восстанием 1482 г. Но никому не придет в голову обвинять обоих писателей в злом искажении фактов. То же можно сказать и о Саллюстии.

Вретска указывает, что, хотя народ и признавал Мариа достойным магистратур (65. 3 – *dignus haberetur*), сам Саллюстий так не думает, – это следует из процитированного латинского оборота²⁸. Однако очевидно, что указанные слова надо рассматривать не изолированно, а в связи с последней фразой главы о том, что нобили считали недостойным консулата кого-либо из «новых людей» независимо от заслуг (63. 7)²⁹. Это является и дополнительным объяснением того, почему писатель умолчал о провале Мариа на выборах в эдилы³⁰, что свидетельствовало скорее о происках знати, а не о позиции народа, а потому не про-

²³ Литературу см. *Werner. Quantum bello optimus...* S. 26. Anm. 81–87.

²⁴ *Syme R. Sallust. Los Angeles–Berkeley–London, 1964. P. 160–161.*

²⁵ *Werner. Quantum bello optimus...* S. 27. Эта версия подтверждается и тем, что Саллюстий уверяет, будто знать не подпускала «новых людей» к консулату, хотя менее десяти лет назад эту должность занимал homo novus Гай Лициний Гета (*Vretska. Studien...* S. 109).

²⁶ *Dijkstra T., Parker V. Through Many Glasses Darkly: Sulla and the End of the Jugurthine War // Wiener Studien. 2007. Bd 120. P. 139. Not. 7.*

²⁷ *Vretska. Studien...* S. 108 – подвиги под Нуманцией, анекдот о похвале Сципиона Эмилиана, выступление против консулов во время плебейского трибуната (*Plut. Mar. 3–4; Cic. Verr. II. 3. 200*).

²⁸ *Vretska. Studien...* S. 110.

²⁹ То же см. в «Заговоре Катилины» (23. 6) по поводу избрания Цицерона (*Syme. Sallust. P. 160. Not. 10*).

³⁰ *Cic. Planc. 51; Plut. Mar. 5. 1–3; Werner. Quantum bello optimus...* S. 28.

тиворечило версии Саллюстия, согласно которой арпинат всего добился сам, без помощи нобилей, но могло быть опущено для краткости изложения.

Так или иначе, в портрете Мария, нарисованном Саллюстием в 63-й главе, положительные черты преобладают над отрицательными, и оснований для трактовки его в духе Вретска как негативного недостаточно – арпинат прямо назван *talis vir*³¹. Кроме того, пока поводов для обвинений его просто нет – дурные поступки и породившие их перемены в характере полководца еще в будущем.

Марий и Метелл. Итак, Марий начинает просить у Метелла отпуска в Рим, чтобы добиваться консулата, но получает отказ. Главнокомандующий, отличавшийся свойственным знати высокомерием (*contemptor animus et superbia, commune nobilitatis malum*), в конце концов замечает, что тому будет не поздно добиваться консулата вместе с его, Метелла, сыном, которому тогда было примерно 20 лет. «Этот ответ разжег в Марии и решимость добиться магистратуры, к какой он стремился, и раздражение против Метелла. И он стал слушаться двух наихудших советчиков (*pressumis consultoribus*) – неумного желания и гнева (*cupidine atque ira*) и не останавливался ни перед поступком, ни перед словом, лишь бы они способствовали его избранию: от солдат... он уже не требовал прежней строгой дисциплины; в присутствии торговцев... он вел несдержанные и хвастливые речи о войне – дескать, если бы ему доверили половину войска, то Югурта уже через несколько дней оказался бы в его руках, закованный в цепи; командующий, по его словам, нарочно затягивает войну, так как он, человек тщеславный и по-царски высокомерный (*homo inanis et regiae superbiae*), чересчур упоен своей властью». В конце концов Марий подговаривает слабоумного нумидийского принца Гауду, внука Массиниссы, которого Метелл не почтил, как того Гауда просил, начать интриговать против главнокомандующего (*Sall. Jug. 64–65*).

Таким образом, как считает Вретска, арпинат «нарушает свой долг в отношениях с солдатами как офицер; в разговорах с торговцами как легат Метелла; еще больше в случае с Гаудой, неримлянином, которого он побуждает жаловаться на главнокомандующего. Такие действия Саллюстий обобщенно определяет как *ambitiosum* и тем самым однозначно осуждает их»³². Иначе трактует приведенный фрагмент Лаукнер. По его мнению, писатель делает все, чтобы объяснить поведение Мария. Для последнего слова гарусника – непреложная истина, Метелл же едва ли не каждому слову жреца противопоставляет свои возражения:

гарусник (63. 1)

fortunam quam saepissime experiretur;
quae animo agitabat, fretus dis ageret;

cuncta prospere eventura

Метелл (64. 2)

neu super fortunam gereret;
ne tam prava inciperet... non omnia
omnibus cupiunda esse;
caveret id petere... quod
illi iure negaretur

Отказ Метелла еще более разжигает *cupido* Мария, который уверен, что *ius* на его стороне. Конечно, Саллюстий не одобряет дальнейших действий арпината, продиктованных *pressumis consultoribus*, но в какой-то мере извиняет их тем, что нападки на Метелла продиктованы не жадной мести, а стремлением к кон-

³¹ *Leeman A.D.* Aufbau und Absicht von Sallusts *Bellum Iugurthinum*. Amsterdam, 1957. S. 127; *Levene.* Sallust's *Jugurtha*... P. 62–63; *Werner.* *Quantum bello optimus*... S. 29.

³² *Vretska.* Studien... S. 111.

сулату, в чем ему главнокомандующий вопреки справедливости препятствует³³. Как пишет Вернер, Марий оказывается перед выбором: либо отступить от мечты о консулате, либо пренебречь моральными нормами и такой ценой добиться своего. Однако причиной тому не только его личные качества, но и позиция нобилитета, которая делала практически невозможными иные методы. *Ambitio arpinata* – психологически понятная реакция на такое поведение знати. К тому же Метелл не просто отказывает Марию, он делает это не в самой уважительной форме, посоветовав ждать еще не менее 22 лет³⁴, а последуй тот его совету, ему пришлось бы избираться консулом примерно в 70 лет (когда он, собственно, и умер). «Несомненно, ироническая реплика Метелла, если учесть последующее поведение его легата, сыграла большую, если вообще не решающую роль»³⁵.

Обращает на себя внимание описание Саллюстием эпизода расправы с комендантом Ваги Турпилием Силаном, который за потерю вверенного ему города был приговорен военным судом к смерти и казнен (*Iug.* 69. 4). По Плутарху, Метелл хотел помиловать несчастного, который, как и Марий, был его клиентом, но арпинат из вражды к главнокомандующему настоял на казни обвиняемого и потом, когда выяснилась невиновность Турпилия, хвастался, что навлек на Метелла гнев демона-мстителя (*Mar.* 8. 1–5). У Саллюстия о какой-либо роли Мария в случившемся не говорится. Это тем более бросается в глаза, что происходит уже после отказа полководца дать легату отпуск для участия в выборах (у Плутарха, напротив, еще до того). Почему же писатель упускает такой удобный случай проиллюстрировать недостойное поведение Мария столь наглядным примером? Р. Сайм считает, что Плутарх пользовался трудом враждебного Марию Посидония, тогда как Саллюстий опирался на сочинения латинских писателей, например Азиния Поллиона³⁶. Однако автор «Югуртинской войны» был волен в выборе источников. Дело, видимо, в следующем. Саллюстий просто считал казнь заслуженной карой для Турпилия, о котором он отозвался прямо-таки с цензурской суровостью³⁷. Кроме того, у Плутарха Марий изображен настоящим чудовищем, которое творит зло, руководствуясь слепой яростью и природной жестокостью. У Саллюстия же (*Iug.* 64. 5) он делает все ради осуществления своих честолюбивых планов (*quod modo ambitiosum foret*), а гибель Турпилия этому никак не способствовала.

Таким образом, речь у Саллюстия идет не о личной вражде двух военачальников, а о борьбе *superbia* нобили и *ambitio* «нового человека». Пока не встал вопрос о консулате, разлада в отношениях между обоими полководцами не было, и Метелл даже считал Мария своим другом (58. 5). Причиной ссоры стали не низменные мотивы, будь то жадность или зависть, а принципиальные установки: искренняя и не лишенная оснований уверенность Мария в своем праве на консулат и непоколебимая уверенность Метелла в том, что только нобили достойны занимать высшую магистратуру. И хотя впоследствии вражда переросла

³³ *Lauckner.* Die künstlerischen... S. 9–10.

³⁴ *Werner.* *Quantum bello optimus...* S. 33. По мнению Э. Кёстермана, Метелл хотел сказать, что Марий не годится для занятий политикой (*Koestermann.* *Kommentar.* S. 242).

³⁵ *Werner.* *Quantum bello optimus...* S. 33–34; *Schur.* *Sallust...* S. 108. Налицо параллель с *Iug.* 11. 7, где оскорбительная для Югурты реплика Гиempсала влечет за собой конфликт (*Büchner.* *Der Aufbau...* S. 45).

³⁶ См. *Syme.* *Sallust.* P. 153–154. Not. 46.

³⁷ *Sall.* *Iug.* 69. 4: *quia illi in tanto malo turpis vita integra fama potior fuit, improbus instabilisque videtur;* *Büchner.* *Der Aufbau...* S. 46.

в грызню клик, в основе своей это был конфликт двух *virii tales*: «Марий против Метелла, *imperator* против *imperator*'а, личность против личности: такова для Саллюстия суть противостояния, которое может показаться партийной борьбой»³⁸.

Вражда на обоих оказывает дурное влияние и толкает на не самые похвальные поступки: арпинат, вначале мечтавший лишь о консулате, в итоге еще и принимает командование в Африке, отстраняя тем самым Метелла³⁹, а Метелл узнав о своем смещении, «был поражен настолько, что, забыв о разуме и достоинстве (*bonum aut honestum*), не удержался от слез и наговорил лишнего (*neque moderari linguam*) – муж, выдающийся в других отношениях (*vir egregius in aliis partibus*), чрезмерно предался горю» (82. 2). Но самое главное – еще до прибытия Мария, лишь узнав о передаче командования последнему, счел войну «чужим делом» (*alienam rem*) и прекратил активные боевые действия, ограничившись переговорами с Бокхом и не стесняясь затягивать войну – *et ex Metelli voluntate bellum intactum trahi* (83)⁴⁰. При этом Марий не посмел обвинить своего бывшего командира в речи перед народом⁴¹, хотя в Африке охотно критиковал его перед купцами. Впрочем, прозрачный намек на Метелла можно усмотреть в словах о тех аристократах, которые став консулами, начинали читать рассказы о деяниях предков и военные трактаты греков (*acta maiorum et Graecorum militaria praescripta*) или привлекали к себе в качестве помощника другого военачальника (*imperatorem alium*) (85. 11–12), вполне возможно, что Метелл по дороге в Африку читал военную литературу, но не для изучения *res militaris* с нуля, разумеется, а для поддержания знаний на должном уровне⁴². И уж более чем возможно, что под «другим» полководцем Марий подразумевал себя⁴³, приписывая себе тем самым победы Метелла и дискредитируя, как ему казалось, его самого.

³⁸ *Zancan P. Prolegomena zu Sallusts 'Bellum Iugurthinum'* // Sallust. Darmstadt, 1970. S. 143.

³⁹ Саллюстий осуждает передачу комициями Африки в качестве провинции Марию вопреки решению сената оставить ее Метеллу (*ea res frustra fuit – 73. 7; Koestermann. Kommentar. S. 267; Werner. Quantum bello optimus... S. 33–34*). Его критика звучит безадресно, но отсюда лишь следует, что она касается всех, кто к этому решению был причастен, т.е., очевидно, и Мария.

⁴⁰ Вернер намекает, что под влиянием известий из Рима Метелл готов раздавать добычу воинам, чтобы укрепить свой авторитет, хотя это и трудно представить, если вспомнить о его *virtus* (*Werner. Quantum bello optimus... S. 40–41*). Однако он забывает, что уже в *Iug.* 54. 6 Метелл действовал подобным образом.

⁴¹ См. *Vretska. Studien... S. 116; Syme. Sallust. P. 169; Werner. Quantum bello optimus... S. 58*.

⁴² То же самое, как известно, но уже с похвалой писал Цицерон о Лукулле, который-де прибыл в Азию уже настоящим полководцем благодаря чтению книг и опросам знатоков, хотя при отъезде мало что понимал в военном деле (*Acad. II. 2*). Еще Болингброк высмеял подобные рассуждения, указав, что Лукулл и прежде обладал боевым опытом, приняв участие в Союзнической и, возможно, иных войнах; при этом, кстати, отмечается пристрастность Мария, изобразившего нобилей дилетантами в военном деле, знавшими его до принятия командования лишь по книгам (*Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 14–15*). Тем не менее полтора века спустя Г. Буассье как ни в чем ни бывало повторил историю о сибарите Лукулле, обучившемся полководческому искусству по книгам по дороге в Азию (*Буассье Г. Собр. соч. в 10 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 254–255*). С доверием эта история воспринимается иногда и в современной литературе (см. *Махлаюк А.В. Модель идеального полководца в речи Цицерона «О предоставлении империя Гн. Помпею» // Акра. Сб. науч. трудов. Н. Новгород, 2002. С. 99*).

⁴³ *Lauckner. Die künstlerischen... S. 7; Leeman. Aufbau... S. 20–21*.

Однако даже после прибытия Мария и отъезда Метелла последний не раз вспоминается при чтении «Югуртинской войны»: замышляя экспедицию против Капсы, Марий хотел совершить деяние, не уступающее взятию Талы его предшественником (89. 6); при осаде мулукской цитадели он оказывается в положении, сходном тому, что и Метелл под Замой, но не отступает, подобно ему, а продолжает осаду и добивается успеха⁴⁴; арпинат поддерживает дисциплину в войске, не столько карая за проступки, сколько взывая к чувству стыда (*puodre magis quam malo exercitum coercebat*)⁴⁵, что заставляет вспомнить о Метелле, который добивался этого примерно теми же методами, «находя разумную середину между заискиванием и суровостью (*tanta temperantia inter ambitionem saevitiamque moderatum*)» и «не столько наказывая воинов, сколько удерживая их от проступков (*prohibendo a delictis magis quam vindicando exercitum*)» (45. 1 и 3)⁴⁶. Но есть и серьезное различие – меняется стратегия: Марий зорко следит за передвижениями врагов и старается предупреждать их козни, отнимает у неприятелей добычу, захватывает стратегически важные города, чтобы Югурта либо дал бой для их защиты и подверг себя опасности разгрома, либо потерял авторитет в глазах подданных (88. 2–4)⁴⁷. Разгромив царя и его союзника Бокха в двух битвах, он въезжает в Цирту как бесспорный победитель (*haut dubie iam victor*) (102. 1) – слова, которые означают не просто успех арпината в последних сражениях, а признание его решающей роли в успехе всей войны⁴⁸.

Такой результат контрастирует с куда более положительным изображением Метелла по сравнению с Марием⁴⁹. Прежде всего следует отметить, что первый обладает *virtus* (64. 1), тогда как за вторым от своего имени Саллюстий ее не признает, это делает либо сам полководец (85. 17), либо его сторонники (73. 5; 92. 2), да еще в таком контексте, где их мнение писатель явно не разделяет⁵⁰.

⁴⁴ См. *Vretska. Studien...* S. 124; *Werner. Quantum bello optimus...* S. 78; *Büchner. Der Aufbau...* S. 58, 63.

⁴⁵ Думается, что *puodre* вернее перевести именно как «чувство стыда», а не совесть (*conscientia* – см. 27. 3; 32. 5; 35. 4; 62. 8; 85. 27), как это делают С.П. Маркиш и В.О. Горенштейн.

⁴⁶ *Pöschl. Grundwerte...* S. 39, Anm. 3; *Büchner. Der Aufbau...* S. 60; *Vretska. Studien...* S. 121, 125; *Werner. Quantum bello optimus...* S. 84.

⁴⁷ Вретска и Бюхнер видят в описанной Саллюстием стратегии Мария лишь продолжение Метелловой и проводят параллель между взятием Капсы и мулукской цитадели арпинатом и операциями Метелла против Замы и Талы второго (*Vretska. Studien...* S. 69, 73; *Büchner. Der Aufbau...* S. 56, 58). Более верной представляется интерпретация Штайдле и Вернера, отмечающих иной характер стратегии Мария, которая приобрела более наступательный характер (*Steidle. Sallusts historische Monographien.* S. 80; *Werner. Quantum bello optimus...* S. 70, Anm. 256) не только на деле, но и в изображении Саллюстия. Достаточно напомнить, что после падения мулукской крепости Югурта просит Бокха о помощи, чтобы при его поддержке дать битву (97. 1), к чему его Марий и склонял (88. 4; 89. 2).

⁴⁸ *Werner. Quantum bello optimus...* S. 87, Anm. 355 (с различными трактовками этой фразы).

⁴⁹ Как верно отмечает Бюхнер, сравнение между Метеллом и Марием проводится не путем прямого сопоставления их характера, как в случае с Цезарем и Катоном, а с помощью изложения и композиции (*Büchner. Der Aufbau...* S. 67–68).

⁵⁰ *Syme. Sallust. P.* 163; *Vretska. Studien...* S. 104. В 73. 5 это говорят *seditionis magistratus*, агитирующие за Мария перед выборами, а в 92. 2 воины приписывают его *virtus* даже не самые обдуманные поступки (см. ниже).

В статье 2004 г. я не обратил внимания на соответствующие места в работах Вретска и Сайма, сочтя, что первым отметил отсутствие у Саллюстиева Мария *virtus* (*Короленков А.В. Сулла в сочинениях Саллюстия // ВДИ. 2004. № 3. С. 184*).

К тому же Метелл прямо назван *vir magnus* (45. 1), тогда как Марию такая оценка дается в очень двусмысленном контексте: говорится, что он уже был «великим и знаменитым» (*magnus et clarus antea*), а после взятия Капсы еще более укрепил свою репутацию (*maior atque clarior haberi coepit*) (92. 1). К тому же, как указывает Вретска, слова *haberi coepit* дают понять, что здесь Саллюстий излагает лишь чужое мнение⁵¹. Если учесть, что затем арпинат оказывается в трудном положении под Мулуккой, то его *magnitudo* приобретает явно иронический оттенок.

Однако это лишь кажущееся противоречие. *Virtus* и *magnitudo* Метелла статичны, они не соответствуют новым обстоятельствам. Недаром Югурта приходит в смятение и начинает все больше терять уверенность в себе не только из-за поражений, наносимых ему Метеллом, но и из-за коварной дипломатии последнего, который переманивает на свою сторону людей царя и побуждает их к заговору (46. 4; 61. 4), что не соответствует староримским представлениям о «честной» войне (вспомним легенду о Фабриции и враче Пирра), но Саллюстием никак не осуждается⁵². Марий же охотно использует «нетрадиционные» методы против согражданина Метелла (обращение к «толпе» и «демагогам»). В итоге над ним он одерживает политическую победу, над Югуртой – военную⁵³. Неудивительно, что Саллюстий «пишет о Марии с куда большим интересом к нему как личности, чем о Метелле, *ambitio* Мария ему куда ближе *superbia* Метелла, дерзость Мария для него куда привлекательнее, чем притворная *facilitas* Суллы». И еще одно обстоятельство: «*Labor* в куда большей степени присуща Марии, чем Метеллу; к тому же его недостаток, *ambitio*, носит динамический характер, тогда как *superbia* Метелла “статична”»⁵⁴. К тому же личность арпината эволюционирует в ходе повествования, тогда как Метелл с самого начала предстает как сложившаяся натура⁵⁵.

Marium u litterae. Как уже отмечалось, Марий, по словам Саллюстия, «проявил себя на военной службе, а не в занятиях греческим красноречием», *stipendiis faciundis non Graeca facundia* (63. 3) – явная игра слов⁵⁶, где *faciunda* отдается предпочтение перед *facundia*. О латинском красноречии не говорится, но из контекста следует, что и ему он особого внимания не уделял (см. 85. 31)⁵⁷. Однако при этом именно Марий произносит самую длинную в сочинениях Саллюстия речь, тогда как Метелл, известный оратор (*Cic. Brut.* 135), не только не произносит речей, но даже ни разу не говорит у Саллюстия от пер-

⁵¹ *Vretska*. Studien... S. 96–97 (то же касается Цезаря и Катона – *Cat.* 53. 1; 54. 2).

⁵² Иногда здесь, как и в 48. 1, усматривают ввиду малопривлекательного сходства с коварным Югуртой неодобрение Метелла Саллюстием (*Koestermann*. *Kommentar*. S. 189; *Levene*. *Sallust's Jugurtha*... P. 61). Однако сам писатель свое отношение к такому поведению Метелла никак не выражает; он вполне мог видеть в этом воздаяние царю, который испытал на себе собственные методы.

⁵³ *Zaccan P.* *Prolegomena*... S. 138.

⁵⁴ *Leeman*. *Aufbau*... S. 27, 19.

⁵⁵ См. *Levene*. *Sallust's Jugurtha*... P. 64.

⁵⁶ *Lauckner*. *Die künstlerischen*... S. 9.

⁵⁷ Вретска сравнивает Саллюстиева Мария с Ливиевым Катонем, который многого добился с помощью *eloquentia* (*XXXIX.* 40. 5), и считает это доказательством того, что на деле Марий обладает не *всеми* качествами, необходимыми для консула (*Vretska*. *Studien*... S. 105). Но Саллюстий слишком серьезен в своем признании у Мария необходимых данных (*omnia abunde erant*), кроме знатности (*vetustatem familiae*) (*Jug.* 63. 2), чтобы усматривать в его словах иронию.

вого лица⁵⁸. При этом сама речь арпината отнюдь не выглядит «мужицкой»⁵⁹, если не считать пары плеоназмов или употребления *facere* с *abl.*⁶⁰, напротив, это «подлинный образец риторики»⁶¹, построенный по всем правилам ораторского искусства⁶². В ней есть едва ли не все цветы элоквиции – и антитезы⁶³, и амплификация (85. 15), и исоколон⁶⁴, и парономасия⁶⁵, и гометелевт⁶⁶, и зевгма⁶⁷, – что естественно, является результатом стилизаторских усилий самого Саллюстия⁶⁸. Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство: в 63. 3 Саллюстий уже писал о том, что арпинат приучался к воинским трудам, а не тратил время на изучение эллинского красноречия. Теперь суждения такого рода мы слышим уже от самого полководца – *neque litteras Graecas didici* (85. 32). Но при этом из уст «мужлана» то и дело звучат реминисценции из сочинений презираемых им греков⁶⁹: из Платона (*Мено*. 247 b, d) в § 21–22 и 49; Исократа (IV. 80) в § 35; Демосфена (*Ol.* III. 15) в § 12⁷⁰. Конечно, Саллюстий не хотел этим показать, будто его герой искушен в риторике и эллинской словесности⁷¹, скорее это намек на лукавство (если не кокетство) Мария: заявляя, будто красноречие ему, в отличие от развращенных нобилей, не нужно, ибо его доблесть говорит сама за себя (*ipsa se virtus satis ostendit* – 85. 31), тот демонстрирует, что может при необходимости умело пользоваться приемами презираемой им риторики. Подобные намеки хорошо вписываются в общий контекст неистинности многих положений речи Мария: он обвиняет нобилей в неспособности вести войну и умалчивает о Метелле; апеллирует к *mos maiorum* (§ 16, 36, 40) и проводит набор в армию *populorum maiorum* (86. 2)⁷²; рассуждает о своей *virtus*, но на деле ею не обладает⁷³ и т.д.

⁵⁸ Короленков А.В. Прямая и косвенная речь в характеристике персонажей *Bellum Iugurthinum* Саллюстия // Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20–22 июня 2005 г. СПб., 2005. С. 119.

⁵⁹ См., например: *Skard E. Marius' Speech in Sallust Jug. chap. 85* // *SO.* 1941. Vol. 21. P. 99.

⁶⁰ *Büchner K. Sallust. Heidelberg, 1960. S. 197.*

⁶¹ *Gerstenberg C. Über die Reden bei Sallust. B., 1892. S. 28.*

⁶² По мнению Т.Ф. Карни, это пародия на элогии нобилей, образцы которых относятся как раз к тому времени, а позднее они уже не известны (*Carney T.F. Once again Marius' Speech after Election in 108 B.C.* // *SO.* 1959. Vol. 35. P. 65–67).

⁶³ См. *Jug.* 85. 2, 4, 9, 13, 14, 19, 25, 29, 31, 35.

⁶⁴ 85. 2 (по 21 слогу в каждой части предложения!); 14 (дважды).

⁶⁵ 85. 4 (*fortium facta*); 5 (*omnium ora*); 21 (*fortia facta*); 30 (*illa illis*); 50 (*virtutem verba*).

⁶⁶ 85. 1 (*petere* – *gerere*).

⁶⁷ 85. 28 (*mihi summum honorem et maxumum negotium inposuistis*), 47 (*meque vosque in omnibus rebus iuxta geram*).

⁶⁸ *Gerstenberg. Über die Reden bei Sallust. S. 28* (подборку риторических фигур см. 13–21).

⁶⁹ *Koestermann E. Römische Dekadanz bei Sallust und Tacitus* // *ANRW. Bd I. 3. B.–N.Y., 1973. S. 796.*

⁷⁰ *Perrochat P. Les modèles grecs de Salluste. P., 1949. P. 51, 70, 77.* Э. Скард даже усматривает в речи Мария проповедь стоических и кинических доктрин, а сам Марий изображен, по его мнению, киническим мудрецом (*Skard. Marius' Speech... P. 98–102*), что, однако, вызвало возражения исследователей (см. *Büchner. Sallust. S. 409. Anm. 133*).

⁷¹ Хотя с основами греческого языка, по-видимому, Марий был знаком (*Carney. Once again... P. 69*).

⁷² *Vretska. Studien... S. 117; Werner. Quantum bello optimus... S. 66.*

⁷³ *Werner. Quantum bello optimus... S. 60–62.*

И еще одно обстоятельство. В «похвале» Мария собственному незнакомству с риторикой усматривают осуждение со стороны Саллюстия, человека, весьма искусственного в artes bonae; арпинат выглядит полужнайкой, обладающим лишь практическим знанием⁷⁴. Это особенно ясно чувствуется, если сравнить его разглагольствования с положительной оценкой образованности Суллы, преуспевшего в изучении греческой и латинской словесности (litteris Graecis et Latinis iuxta atque doctissimi eruditus)⁷⁵. Но как же тогда понимать одобрителный отзыв самого Саллюстия о Марии, который «проявил себя на военной службе, а не в занятиях греческим красноречием» (63. 3)? Вретска объясняет это тем, что Саллюстий отличал пустую болтовню от истинного красноречия (Hist. IV. 43), а потому противоречия здесь нет⁷⁶. Однако у Саллюстия в данном месте о языке Лоллии Палликаны говорится, что он loquax magis quam facundus. А в Iug. 63. 3 речь именно о facundia, правда, Graeca, но это не столь принципиально. Важнее, как представляется, другое: при каких обстоятельствах арпинат говорит о своей необразованности. Вспомним, что Катилина обличает правящую верхушку в тех же выражениях, что и сам Саллюстий⁷⁷; то же можно сказать и об обличениях нобилитета из уст Марии⁷⁸. Но это значит только то, что писатель показывает, как одно и то же звучит совершенно по-разному в несходных условиях. Одно дело служить отечеству, а не пропадать у греческих риториков, как многие юнцы-нобилы, и другое – выставлять напоказ свою необразованность, хвастая ею, словно добродетелью, да еще не с самыми благими целями.

Тень гражданской войны. Как считается, на изображение Мария в «Югуртинской войне» повлияло то, что впоследствии он стал одним из зачинщиков смуты. В пользу этого говорит, в частности, цитирувавшаяся выше фраза nam postea ambitione praiceps datus est (63. 6)⁷⁹. С нею перекликается и аналогичная фраза о Сулле: «Что же касается его дальнейших действий, то я сам не знаю, стыдно или же тягостно будет мне о них говорить (nam postea quam fecerit incertum habeo pudeat an pigeat magis disserere)» (95. 4). В речи Мария перед народом уже явно чувствуется образ будущего «героя» гражданской войны⁸⁰. Наконец, как зловещее предзнаменование звучит, по мнению многих ученых, последняя фраза «Югуртинской войны»: «Все надежды и вся мощь государства собрались в ту пору в нем одном (et ea tempestate spes atque opes civitatis in illo sitae)» (114. 4. Пер. С.П. Маркиша). «Читатель почувствует здесь меланхолию и иронию, если вспомнит, как далеко зашел полководец в последующие годы: победа над завоевателями с севера, но затем – закат, злобное честолюбие и седьмое консульство,

⁷⁴ Vretska. Studien... S. 118.

⁷⁵ Ibid. S. 119. Anm. 60. Вряд ли это ставится в упрек Сулле, как иногда утверждается (см. Никушин В.О. «Варварство» и «цивилизация» в понимании Саллюстия // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира. Вып. III. М., 2000. С. 83–84).

⁷⁶ Vretska. Studien... S. 119. Anm. 60.

⁷⁷ См. Büchner. Sallust. S. 165.

⁷⁸ См. Werner. Quantum bello optimus... S. 59.

⁷⁹ Толкование в духе Платона: Марий умер на вершине власти, отомстив всем врагам (Auct. de vir. ill. 67. 6), но своими злодеяниями погубил себя нравственно: «Человек несправедливый и преступный несчастлив при всех обстоятельствах, но особенно несчастлив, если уходит от возмездия» (Gorg. 472e. Пер. С.П. Маркиша) (Колленков. Сулла... С. 185).

⁸⁰ См. Vretska. Studien... S. 120.

добытое через войну и убийство. Марий спас республику, чтобы ниспровергнуть ее с помощью всевозможного обмана и насилия»⁸¹. Под влиянием всего этого некоторые ученые (в особенности Вретска) не устояли перед соблазном видеть едва ли не во всех высказываниях Саллюстия о Марии пейоративный подтекст.

Однако не все исследователи придерживаются такой позиции. А.Д. Леман, а вслед за ним и Э. Тиффу считают, что последняя фраза «Югуртинской войны» звучит вполне оптимистически: Марий смог закончить войну в Африке, отведет от Рима и «галльскую» угрозу⁸². А.Б. Егоров видит в этой фразе «своеобразное выражение идеи *principes*»⁸³. Вернер же вообще счел, что Саллюстий четко отделяет Мария и Суллу времен Югуртинской войны от тех, кем они стали в 80-х годах. Для этого-то писатель и приводит оценки последующей деятельности обоих в 63. 6 и 95. 4, чтобы дать понять читателю, он не забывает об их позднейших кровавых деяниях, но не считает, что Марий и Сулла всегда были такими – недаром в обоих случаях говорится *postea*⁸⁴.

Необходимо отметить, что оба полководца лишены в глазах автора *virtus*⁸⁵. Вряд ли это случайность, скорее предпосылка, обусловившая их последующее нравственное падение, но не мешающая им пока совершать блистательные подвиги во славу Рима. Бесспорно, своего рода бескровной репетицией *bellum civile* является борьба Мария за консулат, которая ведется в соответствии с *mos partium*, а поддерживающие его трибуны названы *seditiosi magistratus* (73. 5)⁸⁶. Арпинат называет обретенную им консульскую власть *spolia*, а нобилей называет *victi* (84. 1), военная терминология звучит весьма многозначительно⁸⁷. И, конечно, обращает на себя внимание речь в 85-й главе «Югуртинской войны». Ученые давно отмечали ее жесткий тон, не во всем справедливые обвинения, когда грехи отдельных нобилей приписываются всей знати, на противопоставление одной части общества другой, Марий мало говорит об интересах государства, предаваясь вместо этого безудержному самовосхвалению⁸⁸

⁸¹ *Syme*. Sallust. P. 176. Бюхнер уточняет, что столь положительная оценка Мария в *Iug.* 114. 4 касается лишь *ea tempestate* (*Büchner*. Der Aufbau... S. 62; *idem*. Sallust. S. 426. Anm. 215). Также см. *Vretska*. Studien... S. 129; *Koestermann*. Kommentar. S. 389.

⁸² *Leeman*. Aufbau... S. 27; *Tiffou E.* Essai sur la pensée morale de Salluste à lumière de ses prologues. Montréal–Paris, 1973. P. 459. Вернер ошибочно считает, что такого мнения придерживается только Леман (*Werner*. Quantum bello optimus... S. 89. Anm. 364).

⁸³ *Егоров А.Б.* Политические взгляды Саллюстия // Античный полис. Л., 1979. С. 120.

⁸⁴ См. *Werner*. Quantum bello optimus... S. 89–91.

⁸⁵ См. *Короленков*. Сулла... С. 184.

⁸⁶ Не исключено, что это намек на будущих политических союзников Мария плебейских трибунов Аппулея Сатурнина и Публия Сульпиция, чьи действия именуются в античной традиции *seditio Appuleiana* (*Flor.* III. 12. 8; 16. 1) и *seditio Sulpiciana* (*Quintil.* Inst. or. VI. 3. 75).

⁸⁷ *Vretska*. Studien... S. 112; *Werner*. Quantum bello optimus... S. 43.

⁸⁸ При этом образ Мария, который возникает в его речи, совпадает с характеристикой Саллюстия в 63-й главе (*Koestermann*. Kommentar. S. 297; *Dijkstra, Parker*. Through Many Glasses Darkly. P. 142). Но если писатель просто констатирует факты, пусть и лестные для арпината, то последний использует как повод для неумеренного хвастовства классический пример того, как у Саллюстия одни и те же слова звучат по-разному в неодинаковых ситуациях.

и т.д.⁸⁹ Указывалось и на черты сходства (как и различия) в речах Мария и Меммия⁹⁰. Однако вот что обращает на себя внимание: последствием речи Меммия становятся расследования, процессы и осуждение видных нобилей⁹¹, а Марий добивается только того, что в его армию вступает больше людей, чем предполагалось, что, собственно, и являлось целью речи (84. 5; 86. 4), хотя было бы логично увидеть ее в качестве предвыборной. Никто не стал жертвой его красноречия. Удивляет и другой парадокс: Марий видит в своих слушателях *boni* (85. 48, 50), но ниже Саллюстий дает понять, что тех, кого арпинат набирает в армию (т.е. неимущих) и к кому, собственно, была обращена речь консула, он таковыми не считает (86. 2–3)⁹². Выходит, смысл речи в том лишь, чтобы высмеять Мариа как безудержного демагога и хвастуна. Причем в отношении тех воинов, которых он набрал в армию, ничего дурного автор прямо не пишет, а рассуждения о том, что они не из числа «порядочных» людей (*inopia bonorum*) и не гнушаются всем, за что платят (*omnia cum pretio honesta videntur*), являются лишь пересказом чужих мнений (86. 3), да и при описании военных действий эти оценки не подтверждаются. За что же тогда Марий изображен в столь неприглядном свете? Ответ, видимо, заключается в том, что перед глазами Саллюстия уже не легионы, идущие воевать с Югуртой, а армии гражданской войны. Сейчас они будут хорошо сражаться с врагами, но завтра их оружие обернется против сограждан. Это, возможно, тот же намек, который усматривают многие ученые в последней фразе «Югуртинской войны»⁹³.

И еще одно важное обстоятельство. Как мы видели, Марий совершает по ходу действия немало неблагоприятных поступков, Сулла же в рамках *Bellum Jugurthinum* не дает поводов для нареканий. И все же первый оценивается, безусловно, более положительно, чем второй, об арпинате Саллюстий в полуизвиняющемся тоне пишет, что лишь впоследствии того погубила *ambitio*, о будущем же диктаторе высказывается куда более жестко: он даже не может решить, более тягостно или более стыдно было бы говорить ему о его поздней-

⁸⁹ *Lauckner*. Die künstlerischen... S. 31; *Zancan*. Prolegomena... S. 140–142; *Vretska*. Studien... S. 112–120; *Büchner*. Sallust. S. 196–199; *Syme*. Sallust. P. 168–169; *Werner*. Quantum bello optimus... S. 54–69 etc. Впрочем, другие ученые сочли, что речь Мариа отражает взгляды самого писателя. С.Л. Утченко, в частности, усматривал в ней завершение эволюции воззрений писателя на нобилитет (Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952. С. 125–129; см. возражения Бюхнера, который считает, что советский историк не заметил иронии Саллюстия: *Büchner*. Sallust. S. 409. Anm. 135). Л. Оливьери Санджакомо допускает, что в речи Мариа сильнее всего отразилась обида Саллюстия на нобилитет (*Olivieri Sangiacomo*. Sallustio. P. 203). М. фон Альбрехт видит в речи Мариа среди прочего и важнейшие размышления политического характера (*Альбрехт М. фон*. История римской литературы. Т. I. М., 2002. С. 488).

⁹⁰ Утченко. Идейно-политическая борьба... С. 127; *Lauckner*. Die künstlerischen... S. 32; *Vretska*. Studien... S. 114–115; *Büchner*. Sallust. S. 196; *Syme*. Sallust. P. 169.

⁹¹ Чьих имен, кстати, Саллюстий не называет, чтобы изобразить происшедшее не как несчастья отдельных нобилей, а поражение аристократии в целом (*Lauckner*. Die künstlerischen... S. 45).

⁹² См. *Werner*. Quantum bello optimus... S. 65–66.

⁹³ В связи с этим хочется упомянуть об интересной гипотезе Д. Ливина, который видит в «Югуртинской войне» некий незаконченный литературный «фрагмент», где постоянно возникают образы как прошлого, так и будущего, а изложение обрывается почти на полуслове (*Levene*. Sallust's Jugurtha... P. 53–70).

ших деяниях⁹⁴. Подобная «нестыковка» объясняется, по-видимому, тем, что автор хочет показать, как началось нравственное падение изначально не испорченного Мария, а Сулла в его глазах таковым не является: если в характеристике первого в гл. 63 говорится лишь о его достоинствах (двусмысленные намеки на будущее не в счет, ибо это плод интерпретации), то в характеристике второго уже сразу звучат нотки осуждения: он хитер (*callidus*), жаден до наслаждений (*cupidus voluptatum*), мастер притворяться (*ad simulanda negotia altitudo ingeni incredibilis*), неважный семьянин (*nisi quod de uxore potuit honestius consuli*) (95. 3). В сочетании с нелестной оценкой его последующей деятельности это ясно говорит о том, что Сулла изначально порочен, просто это пока еще не дало о себе знать⁹⁵. Подобный взгляд, разумеется, основан на оценке его «подвигов» в годы гражданской войны.

Fors–fortuna и перемены в образе Мария. Каким же в итоге мы видим будущего победителя Югурты и германцев на протяжении всего повествования?

До своей ссоры с Метеллом Марий – образцовый военачальник, не дающий никаких поводов для нареканий. Но после оскорбительного отказа главнокомандующего позволить ему отбыть в Рим и начать борьбу за консулат он меняется на глазах: ослабляет дисциплину, порочит своего полководца, а в итоге погружается в ненавистную Саллюстию «партийную» борьбу. Вернувшись в Африку, Марий организует блестящую операцию по захвату Капсы (из тщеславного желания превзойти Метелла, овладевшего столь же труднодоступной Талой) и, возгордившись удачей сверх меры, осаждает мулуккскую цитадель. Здесь он попадает в трудное положение из-за своей самонадеянности и добивается успеха только благодаря счастливому случаю. Затем, однако, вдруг все резко меняется: он не только дважды разбивает Югурту и Бокха, но и в целом образцово руководит армией: строго блюдет дисциплину, вдохновляет воинов собственным примером, да и победы не кружат ему голову, как прежде. Его действиям Саллустий дает самую высокую оценку – *res publica... bene atque decore gesta* (100. 5). Марий – *haut dubie iam victor* (102. 1). Наконец, в заключительной фразе «Югуртинской войны» указывается на доверие *civitas*, обретенное полководцем, и анонсируются его грядущие победы над германцами. Но и о последующей смуте и роли в ней арпината, как мы видели, не забывается.

Таким образом, дважды в жизни Мария чередуются взлет и нравственное падение⁹⁶. В чем же видится Саллюстию причина этих поворотов?

⁹⁴ *Bolaffi E. Sallustio e la sua fortuna nei secoli. Roma, 1949. P. 69.* Как обычно отмечается, указание Саллюстия на то, что Сулла не злословил о своих начальниках (96. 3), напоминает о неблагоприятном поведении Мария по отношению к Метеллу (64. 5; *Bolaffi. Sallustio... P. 69; Büchner. Der Aufbau... S. 59, 63; Vretska. Studien... S. 133; Егоров. Политические взгляды Саллюстия. С. 120*). Однако такое сравнение корректно лишь отчасти, ибо ссора Мария и Суллы еще впереди, и оснований для нападков на первого у второго на тот момент не было. Т. Дийкстра и В. Паркер считают, что на деле речь идет о постепенном вытеснении Суллой Мария, преуспевающего в сокрытии своих целей, и, таким образом, подразумевается его мастерство обмана (*Dijkstra, Parker. Through Many Glasses Darkly. P. 143*).

⁹⁵ Поэтому вряд ли можно согласиться с Ливиним, который считает, что «падение» Суллы вообще находится за рамками *Bellum Iugurthinum* (*Levene. Sallust's Jugurtha... P. 64*).

⁹⁶ «Грехопадение» (*Sündenfall*), по выражению Вернера (*Werner. Quantum bello optimus... S. 31*). Как видим, не совсем верен вывод о том, что единственная возможная у Саллюстия эволюция персонажей – это «деградация прежде добродетельных людей по причине их честолюбия и алчности» (*Schmal S. Sallust. Hildesheim–Zürich–New York, 2001. S. 73*), возможны разные повороты.

Дело, видимо, в роли fors–fortuna. Как известно, ссылка на нее («повезло») использовалась для подрыва репутации победоносных полководцев, но уже Сципион Африканский, если верить Полибию (X. 10. 8–13), начал играть на этом, приписывая себе поддержку свыше. Солдаты Мария также верили в благосклонность богов к своему полководцу (Sall. Jug. 92. 2)⁹⁷. Однако такой взгляд явно не устраивал просвещенного Саллюстия, который считал, что истинно доблестный человек не нуждается в помощи fortuna (1. 3)⁹⁸. Марий же, поверив гаруспику, посоветовавшему ему положиться на благосклонную судьбу, так и сделал, что и вызвало осуждение писателя⁹⁹. Но если борьба за консулат, которая превращается из персональной вражды в «партийную» склоку, дает основания для упреков в адрес арпината, то далее поводов для этого становится меньше. Более того, в гл. 87 описывается, как Марий грамотно обучал новобранцев, в результате чего они перестали уступать в доблести опытным бойцам (virtus omnium aequalis facta) (87. 3). Вполне положительно и описание стратегии Мария в гл. 88. Здесь, собственно, его не в чем упрекнуть – он полагается не на удачу, обещанную гаруспику, а на себя.

Но уже в первой крупной операции этот мотив дает себя знать. Правда, пишет об этом Саллюстий весьма странно: консул, все разведав, положился, по видимому, на богов (credo dis fretus)¹⁰⁰, ибо даже его ум не мог предвидеть всех трудностей (consilio satis providere non poterat). Вретска усматривает в приведенных словах подчеркнутую цитату из предсказания гаруспики Марию (63. 1) – quae animo agitabat fretus dis ageret. Он видит в этом сарказм писателя, ибо тот не придает особого значения богам – вера в них становится предлогом для плохо спланированного мероприятия¹⁰¹. Против этого энергично возражает Леман: ничто, по его мнению, не указывает на сарказм Саллюстия, да и решение о походе на Капсу, принятое под влиянием веры в помощь богов (если таковая здесь имела место), в любом случае оказывается правильным, так как экспедиция заканчивается успешно¹⁰². Болаффи также считает, что об иронии здесь речи нет и что у Мария есть основания искать помощи богов, учитывая те трудности, ко-

⁹⁷ Gilbert C.D. Marius and Fortuna // CQ. N.S. 1973. Vol. 23. 1. P. 107. Правда, как указывает исследователь, трудно сказать, что думали сами полководцы на сей счет.

⁹⁸ Ср. суждения Цицерона, не предназначенные для широкой публики: «Тот, кто все надежды (spes) свои, все расчеты (ratio) и помыслы (cogitatio) возлагает на счастье (fortuna), не может обладать ничем определенным (certi)» (Par. stoic. 2. 17. Пер. Н.А. Фёдорова). Однако сам же Марк Туллий объявляет felicitas неотъемлемым качеством истинного полководца наряду с scientia rei militaris, virtus и auctoritas в речи, рассчитанной на широкую аудиторию (De imp. Pomp. 28; Махлаюк. Модель... С. 102).

⁹⁹ Vretska. Studien... S. 124; Gilbert. Marius and Fortuna. P. 106; Альбрехт. История... С. 498; С. Шмаль, напротив, видит в этом philosophische Legitimation des homo novus, ибо им приходится полагаться на свои силы, а не на преимущества рождения, под которыми исследователь и понимает virtus (Schmal. Sallust. S. 65–66), однако такая трактовка представляется искусственной.

¹⁰⁰ Что у Саллюстия означает ту же надежду на милость fortuna (Leeman. Aufbau... S. 17; Tiffou. Essai... P. 445. Not. 128).

¹⁰¹ Vretska. Studien... S. 64.

¹⁰² Leeman. Aufbau... S. 17. Леман также указывает, что пренебрежение богами (deos neglegere) становится у Саллюстия одним из факторов падения нравов (Cat. 10. 4; Leeman. Aufbau... S. 17. Anm. 4). Однако Вретска говорит, что писатель обычно (sonst) не придает значения небожителям, что допускает исключения. Кроме того, речь могла идти лишь о соблюдении обрядов, за что, как известно, выступал и отнюдь не богобоязненный Цицерон (De nat. deor. I. 61; Майоров Г.Г. Цицерон как философ // Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 25).

торые предстояло ему преодолеть¹⁰³. Тем не менее нелегко признать оговорку о богах случайной и притом лестной для полководца. Это тем более странно, что Саллюстий тут же признает: консул все равно готовился весьма тщательно (*tamen pro rei copia satis providenter exornat*) (90. 1). Операция проходит безупречно¹⁰⁴, город взят и сожжен, и не вполне ясно, зачем же Саллюстию понадобилась ссылка на веру Мария (в помощь богов)? Дело, видимо, в том, что сам замысел похода на Капсу был обусловлен не чисто военными соображениями, а желанием совершить деяние, подобное взятию Талы Метеллом (89. 6), несомненно, проявление *ambitio* (точнее, *ambitio mala*), а не заботы о государстве¹⁰⁵. Кроме того, после захвата Капсы воины стали превозносить Мария до небес (*ad caelum ferre*), нумидийцы начали бояться его, словно какого-то бога (*magis quam mortalem timere*), да и сам он возгордился (92. 1–2) и ввязался в операцию по овладению мулуккским замком, которую завершил удачно лишь в силу счастливой случайности (см. ниже). В таком контексте упоминание о его надежде на богов перед походом на Капсу звучит весьма уместно. С другой стороны, становится более понятным и оправдание безжалостной расправы со сданными жителями города вопреки законам войны (*facinus contra ius belli*): место труднодоступно, население ненадежно, и оставить его в прежнем положении, игнорируя опасность восстания, можно лишь в расчете на благосклонность фортуны к римлянам. Однако Марий в данном случае не полагается на удачу, а проявляет похвальную предусмотрительность, за что и заслуживает похвалу писателя¹⁰⁶, хотя тот и признает это *facinus contra ius belli*¹⁰⁷.

Но это оказывается лишь эпизодом. В целом операция против Капсы, начатая с вызывающей усмешку Саллюстия надеждой на богов, приводит к не самым лучшим последствиям, по мысли автора, явно не случайно: теперь уже даже неосмотрительные действия приписывают *virtus* полководца¹⁰⁸ (*omnia non bene consulta in virtutem trahebantur*) (92. 2)¹⁰⁹. И один из таких поступков – осада мулуккской крепости¹¹⁰. Если перед походом на Капсу Марий все разведкал (om-

¹⁰³ Bolaffi. Sallustio... P. 76.

¹⁰⁴ Описание ее явно противоречит сомнениям Саллюстия в способности Мария обойтись без помощи свыше (*Werner. Quantum bello optimus... S. 72–73*).

¹⁰⁵ Lauckner. Die künstlerischen... S. 11; Koestermann. Kommentar. S. 322; Werner. Quantum bello optimus... S. 73.

¹⁰⁶ Явная полемика с антимарианской традицией (*Schur. Sallust... S. 135; Olivieri Sangiacomo. Sallustio. P. 205–206; Vretska. Studien... S. 123; Koestermann. Kommentar. S. 327*).

¹⁰⁷ Büchner. Sallust. S. 315.

¹⁰⁸ Г. Эйвери так понимает эти слова: «Саллюстий указывает, что Марий добивается успеха, несмотря на плохое планирование» (*Avery H.C. Marius Felix (Sallust, Jug. 92–94) // Hermes. 1967. 95. P. 326*). Здесь верно мимоходом подмечено, что речь идет об успехах Мария (о чем римский писатель не без умысла умалчивает), хотя и достигнутых не благодаря, а вопреки Марию. Но выделение Саллюстием предприятий *non bene consulta* предполагает и *bene consulta* – молчание о них красноречиво характеризует замысел писателя.

¹⁰⁹ Явное развитие оценки, прозвучавшей в *credo dis fretus* (*Koestermann. Kommentar. S. 323*).

¹¹⁰ Любопытно, что Саллюстий не упоминает о зимних квартирах, на которые ушла римская армия после взятия Капсы, вероятно, он хотел изобразить малые операции Мария, взятие Капсы и мулуккской цитадели и другие события как события одного года, чтобы подчеркнуть энергию полководца (*Syme. Sallust. P. 149*); о зимних квартирах он сообщает вообще лишь применительно к одному году (97. 3; 100. 1; 103. 1; *Schur. Sallust... S. 137*). Предположение М. Холройда о том, что у Саллюстия в данном случае речь и впрямь идет об одной кампании (*Holroyd M. The Jugurthine War: Was Marius or Metellus the Real Victor? // JRS. 1928. 18. P. 15, 20*), представляется весьма сомнительным и не нашло поддержки у исследователей.

nibus exploratis – 90. 1), то теперь он действует наудачу и попадает в трудное положение: склоны горы, на которой стоит крепость, отвесны, тропинки, ведущие наверх, узки, подвести навесы не удастся, армия несет тяжелые потери (92. 7–9). Видя, что сделать ничего нельзя, полководец пребывает в раздумье: отступить или продолжать осаду в расчете на счастливый случай, уже, как ядовито замечает Саллюстий, не раз выручавший его (*fortunam operiretur, qua saepe prospere usus fuerat* – 93. 1)¹¹¹? Любопытно отметить, что, когда Метелл решает отступить от Замы, с осадой которой обычно сравнивают операцию по захвату мулуккского замка (см. выше), Саллюстий не осуждает его ни за напрасные потери, ни за сам отход¹¹². Его логика явно несет на себе отпечаток представлений стоиков, считавших, что главное в поступке то, в каком состоянии духа он совершен – разумном и добродетельном или порочном, причем от практического результата его оценка не зависит (*Cic. De fin. III. 32*)¹¹³.

Расчеты Мария на благоприятный случай оказываются не напрасными. Ему везет даже дважды: во-первых, появляется некий лигурийский воин, чье имя так и остается неизвестным, который находит неохраняемую тропинку наверх, во-вторых, на тропинке оказывается дуб, благодаря которому удается подняться к самой крепости¹¹⁴. По мнению Г. Брешиа, Марий в этой ситуации оказывается в положении лжегероя. Он теряет контроль над ситуацией и утрачивает черты истинного полководца, которые переходят лигуру¹¹⁵, а Марий превращается в простого исполнителя его воли¹¹⁶. Однако это не совсем так: у него хватает проныцательности принять предложение лигура, хотя мнения на военном совете высказывались разные, и грамотно организовать штурм¹¹⁷. И все же в конце рассказа о взятии цитадели Саллюстий не забывает отметить: *sic forte conrecta Mari temeritas gloriam ex culpa invenit* (94. 7). Это перекликается с репликой: *ea res forte quam consilio melius gesta* (92. 6), что, естественно, должно лишний раз подчеркнуть неправильность поведения Мария, ибо полководец обязан руковод-

¹¹¹ Между тем ни одного эпизода, когда удача помогла бы Марию добиться успеха, Саллюстий не упоминает. Недаром Леман выделяет здесь слово *saepe* (*Leeman. Aufbau... S. 21*).

¹¹² *Werner. Quantum bello optimus... S. 78. Anm. 290*. В решении снять осаду с Замы ввиду ее бесперспективности Бюхнер видит новое проявление *virtus* Метелла (*Büchner. Der Aufbau... S. 42*), что Леман считает преувеличением (*Leeman. Aufbau... S. 15. Anm. 2*).

¹¹³ *Николюцкий Б.М. Комментарии // Цицерон Марк Туллий. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М., 2000. С. 334. Прим. 11*. Интересно, что у гомеровских героев, напротив, «только исход поступка характеризует его как совершенный в состоянии ослепления» (*Ярхо В.Н. Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // ВДИ. 1963. № 2. С. 54*).

¹¹⁴ *Avery. Marius Felix... P. 325*.

¹¹⁵ Любопытно, что в отношении лигура употреблены слова *exploratis omnibus* (93. 5), совпадающие с тем, что сказано о Марии в 90. 1 при описании подготовки похода на Канпу – *omnibus exploratis*.

¹¹⁶ *Brescia G. La 'scalata' del liguro. Saggio di commento a Sallustio, Bellum Iugurthinum 92–94. Bari, 1997. P. 99–100*.

¹¹⁷ *Schmal. Sallust. S. 67; ВДИ. 2002. № 4. С. 204*. Это, кстати, отличает мулуккский эпизод от сюжета со взятием спартанской крепости на Сфактерии (*Thuc. IV. 36*), с которым его сравнивают (*Gilbert. Marius and Fortuna. P. 105. Not. 1* – речь ошибочно идет о Пилосе; *Brescia. La 'scalata' del liguro... P. 98*): у Фукидида Демосфен и Клеон отстраняются от участия в операции, проведение которой полностью поручается безымянному (как и Саллюстиев лигур) мессянскому командиру, чего нельзя сказать о Марии.

ствоваться именно *consilium*, а не полагаться на милость *fors–fortuna*¹¹⁸. На этом принижение успеха при Мулукке¹¹⁹ не заканчивается, в 97. 1 Саллюстий пишет о том, как после потери Капсы и других укрепленных мест (*postquam oppidum Capsam aliosque locos munitos*), равно как и многих богатств (в них хранившихся) Югурте пришлось обратиться за помощью к Бокху, Мулукка же при этом «блистает отсутствием»¹²⁰, хотя именно после ее падения царь и перестает полагаться на собственные силы.

Но после мулуккского эпизода все неожиданно меняется. Марий наносит поражение объединенным силам Бокха и Югурты (*Iug. 97–99*), но успех не ослепляет его (*neque tamen victoria socors aut insolens factus – 100. 1*), как после Капсы. Он грамотно организует марш по вражеской территории, подает воинам пример, заботится о поддержании дисциплины. Главу завершает знаменитая фраза: *res publica pariter ac saevissimo imperio bene atque decore gesta* – «дела государства вершились наилучшим и достойнейшим образом, как при самой строгой власти» (*100. 5*)¹²¹.

Одни ученые видят в этих словах признание Саллюстием полезности деяний Мария для государства¹²², другие – положительную оценку его мер по наведению дисциплины¹²³, третьи – не более чем формулу, использовавшуюся при упоминании той иной победы (в данном случае над Югуртой и Бокхом), что не отменяет его *ambitio*¹²⁴. С последним спорить не приходится, однако нужно уточнить контекст: приведенные слова Саллюстия завершают рассказ и о победе над Бокхом и Югуртой, и о грамотной организации марша, и о мерах по обеспечению порядка в армии. В них подчеркивается полная перемена в поведении

¹¹⁸ *Lauckner. Die künstlerischen... S. 11; Pöschl. Grundwerte... S. 44; Büchner. Der Aufbau... S. 58; Vretska. Studien... S. 107, 122, 124; Werner. Quantum bello optimus... S. 80; Brescia. La 'scalata' del liguro... P. 23–24*. У Цезаря подчеркивается роль *consilium*, когда речь идет о его победах, а о *fortuna* он вспоминает, чтобы оправдать свои поражения (*Альбрехт. История... С. 461*). См. также указание Светония (*Tib. 19*), что в сражениях Тиберий никогда не рассчитывал на удачу и случай (*fortunae casibusque*).

¹¹⁹ См. *Steidle. Sallusts historische Monographien. S. 80; Werner. Quantum bello optimus... S. 75–76*.

¹²⁰ Как видим, Оливьери Санджакомо не вполне права, когда пишет, что Саллюстий изображает успехи Мария *più brillanti che produttivi* (*Olivieri Sangiacomo. Sallustio. P. 205*). важность взятия Капсы все же признается.

¹²¹ В. Шур считает, что после похвал Марию за умелую операцию против Капсы тон Саллюстия становится враждебным из-за воздействия мемуаров Суллы, которые становятся для него теперь главным источником, а теплые слова об арпинате в *Iug. 100. 4–5* связаны с использованием труда какого-то другого автора (*Schur. Sallust... S. 439*). Но, с одной стороны, возникает вопрос, почему Саллюстий предпочел здесь обратиться к иному источнику, с другой – он был не слишком подвержен влиянию просулланской литературы, что засвидетельствовано его отзывом о Сизенне (*Iug. 95. 2*). Думается, дело не в использовавшихся писателем материалах, выбор которых не был случайным, а в его художественном замысле (см. *Короленков. Сулла... С. 185*).

¹²² *Tiffou. Essai... P. 453*.

¹²³ *Pöschl. Grundwerte... S. 39. Anm. 3; Büchner. Der Aufbau... S. 59–60*. При этом Бюхнер делает важное добавление, имея в виду достойное ведение дел *res publica*: «Это критерий Саллюстия, который проявляется здесь совершенно недвусмысленно. Если поведение [персонажей] соответствует этому требованию и этому критерию, Саллюстий отбрасывает всякие подозрения. тогда как при малейшем противоречии ему подозрения возникают немедленно».

¹²⁴ *Vretska. Studien... S. 125; Werner. Quantum bello optimus... S. 85*.

Мария – он отказался от надежды на *fors–fortuna*¹²⁵. Об отказе от *ambitio*, конечно, речи не идет, но теперь нет поводов для упреков арпината в *temeritas* и недостатке *consilium*, имевших место в 92. 2 и особенно под Мулуккой. Более его действия критике не подвергаются. Он одерживает блестящие победы¹²⁶, вновь захватывает Цирту и в конце концов завершает войну. Легко представить, что, по мнению Саллюстия, послужило причиной нравственного падения Мария в дальнейшем. Согласно легенде, во время скитаний в 88–87 гг. арпинат продолжал верить в свою судьбу, ибо ему было предсказано седьмое консульство (*Plut. Mar. 36. 7–10*). Он опять положился на милость *fors–fortuna*, что и привело его к моральной (а затем и физической) гибели. То же касается и Суллы, открыто подчеркивавшего свою веру в собственное счастье – *Sulla Felix*.

Таким образом, отношение Мария к *fors–fortuna* оказывается не просто важным, а определяющим, когда речь заходит о восприятии Саллюстием поступков арпината и, по сути, его личности в целом.

Смысл образа Мария. Какие идеи хотел выразить Саллюстий, создавая образ Мария? Прежде всего речь, конечно, о проблеме *fors–fortuna* и ее роли. Весьма вероятно, что удача Мария вызывала в памяти удачу Цезаря¹²⁷. Правда, само по себе везение еще не означает надежды на него, но вполне вероятно, что историк имел в виду как раз такую надежду, для чего диктатор давал немало поводов. Если это так, то мы получаем лишний повод усомниться в положительном отношении Саллюстия к Цезарю, по крайней мере на момент написания «Югуртинской войны».

Но налицо и другая параллель – с противником Гая Юлия, Помпеем: как Марий «перехватил» командование у Метелла, так и Помпей у Лукулла¹²⁸. В то же время есть основания полагать, что как к полководцу Саллюстий относится к Помпею достаточно позитивно¹²⁹, как и к Марию. Но воспринимать их положительно как политиков он не мог, так как оба участвовали в гражданской войне (чего нельзя сказать о Метелле – единственном бесспорном носителе *virtus* в «Югуртинской войне»).

Но главное, конечно, это собирательный образ *homo novus*, каковым являлся и сам Саллюстий. Налицо сходство его Мария с Катонем – оба не имели пред-

¹²⁵ Эйвери считает, что *fortuna* Мария оказалась вытеснена Сулловой, как и сам он вытесняется из повествования Суллой (*Avery. Marius Felix... P. 329–330*). Однако речь идет явно о сознательном выборе, хотя прямо об этом не говорится, но можно полагать, что мулукский урок, по мысли любящего недомолвки Саллюстия, не прошел для Мария даром.

¹²⁶ Иногда победы Мария в сражениях с Бокхом и Югуртой объясняют тем, что в ходе этих битв римлянам приходилось больше обороняться и поэтому Марию приходилось не самому планировать ход боя, а лишь отражать удары врага (*Vretska. Studien... S. 125; Werner. Quantum bello optimus... S. 86–87*). Однако оборону, как известно, тоже надо уметь организовать, и делает это Марий вполне грамотно (*Werner. Quantum bello optimus... S. 81–82*), но главное в другом. Вряд ли Саллюстий стал бы объяснять успехи арпината столь прозаическими причинами – полководец вообще более не надеется на *fors–fortuna*.

¹²⁷ *Schmal. Sallust. S. 68.*

¹²⁸ *Syme. Sallust. S. 151.*

¹²⁹ *Pöschl. Grundwerte... S. 43. Anm. 3* (по мнению В. Пёшля, наряду с Марием и Метеллом для Саллюстия Марий – идеал полководца, что уже некоторое преувеличение). Лукулла Саллюстий также хвалит как полководца, но указывает на его *ambitio*, склонность к интригам (узнаваемые черты Мария!) и неумение обращаться с войсками (*Bolaffi. Sallustio... P. 71–72; Syme. Sallust. P. 202–203*).

ков, и никто не хотел воздать им должное¹³⁰. Описание молодости арпината, которая прошла в *artis bonas*, разительно напоминает речь Катона против Терма (fr. 28 *Malcovati*)¹³¹. В этом отношении особый интерес представляет речь Мария. Давно уже отмечена параллель со второй речью Цицерона против аграрного закона – благодарность народу за избрание его, *homo novus*, консулом в обход более знатных кандидатов, рассуждения о возложенной на него ответственности, о том, что знать помощи при затруднениях ему не окажет, ошибки осудит сурово, а за заслуги похвалит скупое, перекликаются с речью Мария (Cic. *De lege agr.* II. 1–5; Sall. *Iug.* 85. 3–6)¹³². Но обращают на себя внимание даже не столько совпадения в конкретных суждениях и стилистика речей, сколько сама ситуация – безудержное самовосхваление *homo novus* Мария не могло не напоминать бесконечных панегириков самому себе другого «нового человека» – Цицерона.

Но при этом обращает на себя внимание то, что Цицерон в «Заговоре Катилины» выступает не более как обычное действующее лицо – сам по себе он Саллюстия не интересует¹³³. Иное дело его земляк Марий, чья личность поражает воображение писателя, прежде всего своей способностью к действию, своей *industria*¹³⁴, и хотя поступки арпината не вдохновлены истинной *virtus*, они приносят огромную пользу государству¹³⁵. Лаукнер объясняет это тесной связью Мария и народа, представителем которой является полководец – его действия обусловлены *ambitio*, но оказываются выгодны для Рима, как то было с Капсой. *Gloria*, которую приносят его победы, вызывает ужас у врагов¹³⁶. Думается, однако, дело в другом: *gloria* играет с арпинатом злую шутку под Мулуккой, а взятие Капсы приносит свои плоды лишь тогда, когда он отказывается от надежды на *fortuna*.

Но даже в то время, когда Марий действует в расчете на удачу, Саллюстий не может скрыть своего любования им: при походе на Капсу полководец не упускает ничего, что необходимо для успеха, а под Мулуккой проявляет твердость и умело использует предложение лигура (см. выше). Как не без остроумия замечает Леман, то, что моралист Саллюстий считает предосудительным, у него же как у историка лишь вызывает удивление¹³⁷, не одобряя надежду Мария на счастье, он не может не видеть, что надежда эта каждый раз оправдывается и что арпинат не просто рассчитывает на милость судьбы, но и умеет пользоваться ею. И сквозь строгие философские выкладки, согласно которым *vir bonus* обязан полагаться на свою *virtus*, а не *fortuna*, прорывается чисто языческое восхищение перед удачей Мария и мощью его личности.

¹³⁰ Syme. *Sallust.* P. 168 (ср. *Liv.* XXXIV. 15. 9).

¹³¹ См. *Pöschl.* Grundwerte... S. 53. Anm. 1. В отношении Мария и Катона Старшего к красноречию, что уже рассмотрено выше (см. с. 102, примеч. 57), Вретска указывает также на то, что Катон восхваляет совершенные им деяния (*Liv.* XXXIV. 15. 9), а Марий – будущие (*Iug.* 85. 4) (*Vretska.* Studien... S. 114. Anm. 46). Но, во-первых, здесь речь о Катоне не подлинном, а в изображении Ливия, а, во-вторых, арпинат уже одержал немало побед еще до своего консульства и потому имел все основания ожидать новых.

¹³² *Pöschl.* Grundwerte... S. 48–49; *Vretska.* Studien... S. 109. Anm. 33–34; S. 113. Anm. 42.

¹³³ Причина этого, видимо, в том, что Цицерон не является сильной личностью (*Ego-ров.* Политические взгляды Саллюстия. С. 120–121).

¹³⁴ Это же качество особо отмечается и в Сулле (*Iug.* 95. 4).

¹³⁵ *Tiffou.* Essai... P. 453.

¹³⁶ *Lauckner.* Die künstlerischen... S. 11.

¹³⁷ *Leeman.* Aufbau... S. 22.

MARIUS IN SALLUST

A. V. Korolenkov

The author reflects upon various aspects of Marius' figure as depicted by Sallust. Although this topic has attracted scholars' attention quite often, the author thinks that the key explanation of Sallust's view on Marius' conduct has not yet been found. The explanation that the author puts forward is connected with Marius' attitude to *fors*–*fortuna*. After the oracle of Utica had given him advice to try his fortune as often as possible and to be confident in its benevolence that Marius' «fall» began. This is reflected in his quarrel with Metellus and his struggle for consulate, which acquired the character of a party row. When Sallust describes Marius' speech after his election, he has in mind the armies of the civil war rather than the legions going to fight against Jugurtha. (Being instigators of a civil war, Marius and Sulla were not considered by Sallust as bearers of *virtus*; Marius' *virtus* was recognised by his partisans only; as for the future dictator, the word is never applied to him at all.) But when Marius acts without trusting *fortuna*, his actions are regarded as quite positive. Following this line Sallust, e.g., justifies the slaughter of the inhabitants of Capsa after its surrender, for their loyalty could not be relied upon. The seizure of the Mulucca citadel, on the contrary, is definitely underrated by Sallust, for in his view *fortuna* played a decisive role in the event. Only when Marius gives up his confidence in *fortuna*, he becomes an ideal general and the true defeater of Jugurtha. One can guess that such confidence (in the prediction of seven consulates for him) would afterwards become the cause of Marius' new moral fall.